



СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Артур
Христианович
Артузов (Фраучи)
(1891-1937)**

*Посвящается 125–летию
со дня рождения*

Кашин, 2016



Артузов Артур Христианович (настоящая фамилия Фраучи) родился 16 февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье сыровара. После окончания Новгородской гимназии поступает на металлургический факультет Петербургского политехнического института, принимает участие в студенческом движении. По завершении учебы в институте с дипломом инженера—металлурга едет работать на Урал.

В 1917 году А.Х.Артузов вступает в ряды РКП(б) и посвящает себя революционной деятельности. В 1918 году работает в комиссии, занимавшейся установлением советской власти на севере России. В мае 1919 года направляется на работу в ВЧК.

В 1920 году А.Х.Артузов назначается заместителем начальника Особого отдела, затем — начальником Контрразведывательного

отдела, заместителем начальника Секретно—оперативного управления ОГПУ.

С августа 1931 по май 1935 год он работает начальником ИНО ОГПУ — НКВД (внешней разведки). Одновременно является членом коллегии ОГПУ и по совместительству — заместителем начальника Разведывательного управления РККА (военной разведки).

За время работы в органах государственной безопасности А.Х. Артузов руководил и принимал активное участие в проведении многих ответственных чекистских операций, таких как операция «Синдикат-2» и операция «Трест».

Свободно владел четырьмя иностранными языками. Под его руководством советская разведка добилась весомых результатов.

Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками Почетный чекист.

В 1935 году переведен на работу в Разведывательное управление РККА.

13 мая 1937 года А.Х. Артузов был необоснованно арестован, а 21 августа того же года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован посмертно в 1956 году.

Артузов Артур Христианович
***svr.gov.ru*»Артузов**

Материал из Википедии — свободной энциклопедии
Артузов, Артур Христианович — Википедия
ru.wikipedia.org>Артузов, Артур Христианович

Артúр Христиа́нович Артúзов родился в 1891 году в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарского сыровара (итальянца по национальности) Христиана Фраучи, который приехал в Россию, где занимался выделкой сыра, работая в разных местах.

Мать Артура Артузова, Августа Августовна Фраучи (урождённая Дидрикиль), имела латышские и эстонские корни, а один из её дедов был шотландцем. Супруги познакомились и поженились в России. В семье Фраучи было шестеро детей, а Артур был первым.

С детства Артузов был знаком с революционерами-большевиками Михаилом Кедровым и Николаем Подвойским, которые были частыми гостями в доме Фраучи, так как были женаты на сёстрах матери. С 1906 года Артузов участвовал в распространении нелегальной литературы.

В мае 1909 года закончил с золотой медалью Новгородскую классическую мужскую гимназию и поступил на металлургическое отделение Петербургского политехнического института имени Петра Великого, которое с отличием закончил в феврале 1917 года, после чего работал инженером-проектировщиком в Металлургическом бюро профессора Владимира Грум-Гржимайло.

В августе 1917 года после возвращения из командировки в Нижний Тагил принял решение оставить профессию инженера-проектировщика и до декабря 1917 года работал в Управлении по демобилизации армии и флота. В декабре 1917 года вступил в ряды РСДРП(б). С декабря 1917 по март 1918 года работал секретарем Ревизионной комиссии наркомата по военным делам в Вологде и Архангельске, а с марта по август 1918 года был начальником партизанского отряда призывников на Северном

фронте. Далее последовательно занимал должности начальника военно-осведомительного бюро Московского военного округа и начальника активной части отдела Военконтроля Реввоенсовета республики.

В январе 1919 года Артузов был назначен на должность особоуполномоченного Особого отдела ВЧК, затем последовательно занимал должности заведующего Оперативным отделом Управления Особого отдела ВЧК, с января 1921 г. - помощника начальника Особого отдела ВЧК, с июля того же года - заместителя начальника Особого отдела ВЧК — ОГПУ РСФСР. «С 1920 г. на правах члена Коллегии (по внутричечкистским вопросам)», - писал Артузов в автобиографии. Летом 1920 г. ездил на Западный фронт с широкими полномочиями (право контроля работы особых отделов фронта и армий).

18 июля 1921 года президиумом ВЦИК А.Х. Артузов был награждён орденом Красного Знамени.

В июле 1922 года Артузов был назначен начальником ново созданного Контрразведывательного отдела (КРО) Секретно-оперативного управления (СОУ)ГПУ/ОГПУ. Возглавляя КРО, Артузов руководил крупными операциями «Трест» и «Синдикат-2», а также несколькими десятками других менее известных. В ходе операции «Трест», длившейся с 1922 по 1927 год, была полностью скована разведывательно-подрывная деятельность белоэмигрантских объединений на территории СССР. В результате операции «Синдикат-2» был арестован руководитель антисоветской эмигрантской организации «Народный союз защиты родины и свободы» Борис Савинков. Ещё одним успехом Артузова стал арест в 1925 году Сиднея Рейли. Артузов был инициатором и непосредственным разработчиком операции «Тарантелла».

Летом 1927 г. Артузов был назначен по совместительству 2-м помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Генриха Ягоды, а уже через 4 месяца, в ноябре, он был освобожден от работы в КРО. Работал в СОУ ОГПУ.

1 января 1930 года Артузов был назначен на должность заместителя начальника ИНО ОГПУ СССР, а 1 августа 1931 года — на должность начальника ИНО и члена коллегии ОГПУ СССР. За время командования Артузовым ИНО ОГПУ провёл десятки операций, в ходе которых были задействованы десятки кадровых сотрудников и сотни агентов. Важным направлением работы советской разведки было германское направление. Сотрудниками Артузова была создана агентурная сеть, поставлявшая советскому руководству ценные сведения о происходивших событиях в пришедшей к власти Национал-социалистической партии Германии, а также о деятельности ряда государственных органов и специальных служб. Во время работы Артузова в Иностранном отделе ОГПУ на советскую разведку работали знаменитые разведчики-нелегалы Фёдор Карин, Арнольд Дейч, Теодор Малли, Дмитрий Быстролетов и другие.

В мае 1934 года Артузов был назначен по совместительству на должность заместителя начальника IV (разведывательного) управления Штаба РККА. До этого назначения у начальника IV управления Яна Берзина не было официального первого заместителя, а только помощники. Артузов при назначении оговорил право взять с собой туда ряд сотрудников ИНО ОГПУ, в числе которых наиболее видными указывают Карина и Штейнбрюка, среди остальных Борис Эльман и др.).

В мае 1935 года Артузов был освобожден от обязанностей начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе в Разведывательном управлении Штаба РККА. Колпакиди и Прохоров отмечают, что переход Артузова с группой сотрудников в Разведупр означал ослабление ИНО ОГПУ и связывают это с изменениями внешнеполитической обстановки (сближением Германии и Польши, позицией Японии), почему «значение военной разведки резко возрастало». Под руководством Артузова работали такие знаменитые разведчики как Шандор Радо, Рихард Зорге, Ян Черняк, Рудольф Гернштадт, Хаджи-Умар Мамсуров.

21 ноября 1935 года Артуру Христиановичу Артузову было присвоено звание корпусной комиссар.

11 января 1937 года Артузов был освобождён от работы в Разведупре и направлен на работу в НКВД, где был назначен на должность научного сотрудника в архивный отдел.

Б. И. Гудзь вспоминал:

Артузов сидел в маленькой комнатке, где помещались стол, заваленный делами, и два стула, грустно сказал: «Вот, поручили мне писать историю органов госбезопасности. Дело нужное, и лучше меня это никто не сделает».

Осенью 1936 года были развязаны репрессии в отношении старых руководящих кадров, коснувшиеся и руководства НКВД. Были сняты с занимаемых постов основатели ЧК Глеб Бокий, Яков Петерс, Иосиф Уншлихт, Федор Эйхманс и другие. 13 мая 1937 года был арестован и Артузов, который был обвинён в «сочувствии троцкизму, организации антисоветского заговора в НКВД и РККА, а также в подготовке терактов». Расстрелян 21 августа 1937 года.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1956 года Артур Христианович Артузов был посмертно реабилитирован.

Семья

жена Лидия Дмитриевна (в девичестве Слугина) — с октября 1918

Дети:

сын Камилл (1923—1997) — известный советский скрипач и преподаватель музыки.

дочь Лидия (р. 1919)

дочь Нора (р. 1920)

Память

19 ноября 2014 года в Санкт-Петербургском Политехническом университете состоялась церемония открытия мемориальной плиты советского разведчика Артура Артузова.

Награды

Два Ордена Красного Знамени (18.07.1921, 1932). Другие источники содержат информацию о награждении только одним орденом.

Знак «Почётный работник ВЧК-ГПУ (V)» (1923)

Знак «Почётный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (20.12.1932)

В культуре

Артур Артузов был одним из персонажей романа советского писателя Л. В. Никулина «Мёртвая зыбь», повествующем о чекистской операции «Трест». Роль Артура Христиановича в фильме «Операция „Трест“», поставленном в 1967 году по этому роману, сыграл Армен Джигарханян.

Литература:

Антонов В. С., Карпов В. Н. *Расстрелянная разведка.* — М.: Международные отношения, 2008. — 304 с. — (Секретные миссии). — 2000 экз. — ISBN 978-5-7133-1328-9.

Гладков Т. К. *Артур Артузов.* — М.: Молодая гвардия, 2008. — (Жизнь замечательных людей). — 3000 экз. — ISBN 978-5-235-03131-9.

Артузов А. Х. // Петров Н. В., Скоркин К. В. *Кто руководил НКВД, 1934—1941: справочник / Под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского.* — М.: Звенья, 1999. — 502 с. — 3000 экз. — ISBN 5-7870-0032-3.

Дональд Рейфилд. *Сталин и его подручные = англ. Stalin and his hangers-on.* — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 500 с. — 15 тыс. экз. — ISBN 978-5-86793-651-8.

Михаил Восленский. *Номенклатура.* — М.: «Захаров», 2005. — 640 с. — ISBN 5-8159-0499-6.

Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. *Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937—1941. Биографический словарь.* — М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. — С. 135—136. — 496 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-9950-0217-8.

Энциклопедия секретных служб России / Автор-составитель А.И.Колпакиди. — М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. — С. 433-434. — 800 с. — ISBN 5-17018975-3.

Густерин П. В. *Советская разведка на Ближнем и Среднем Востоке в 1920—30-х годах.* — Саарбрюккен, 2014. — ISBN 978-3-659-51691-7.

Теодор Гладков «Артур Артузов. Тверской швейцарец»

**Артур Артузов. «ТРЕСТ», «СИНДИКАТ» И ЗАГОВОР ПРОТИВ
ТУХАЧЕВСКОГО**

**Сов. секретно Справка Артузов Артур Христианович...
nasledie.dubna.ru/item.asp...**

Русский разведчик Артур Артузов

В числе известных людей, родившихся в Кимрском районе - русский разведчик, один из основателей органов госбезопасности и разведки Артур Артузов (настоящая фамилия Фраучи). Он появился на свет 18 февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии (ныне - село Устиново Кашинского района), в семье эмигранта-сыровара. Служил в органах ВЧК и ОГПУ, в разведывательном управлении РККА (военной разведке), руководил внешней разведкой, его считают крёстным отцом берлинской «Красной капеллы».

...Тов. Артузов (Фраучи) – честнейший товарищ, и я ему не могу не верить, как себе.

Ф. Дзержинский. 21 июля 1921 года

Сов. секретно

Справка

Артузов Артур Христианович осужден в особом порядке 21 августа 1937 г.

Приговорен к ВМН. Основание: дело № 2, л. 105.

Начальник XII отд. I спецотдела НКВД СССР, лейтенант
госбезопасности (Шевелев)

Настоящая фамилия Артузова — Фраучи. Он сын швейцарского эмигранта, кустика-сыровара, прибывшего в Россию ещё в 1861 году,

и латышки. Родился в 1891 году в российской глубинке — селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии и считал себя исконно русским.

Одна из сестёр его матери была замужем за большевиком и будущим чекистом, павшим впоследствии жертвой необоснованных репрессий М.С. Кедровым, другая — за большевиком Н.И. Подвойским.

Артур с детства увлекался музыкой (у него был лирический тенор), блестяще закончил новгородскую гимназию, а в 1917 году — Петроградский политехнический институт, мечтал учиться и в консерватории. Профессор

В.Е. Грум-Гржимайло пригласил его работать в своём «Металлургическом бюро». Но ни актёром, ни инженером он не стал. Сказалась революционная обстановка в России и влияние его дядей, особенно М.С. Кедрова.

В автобиографии Артузов писал: «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашёл себя и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек. Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны».

В разгар Гражданской войны, в декабре 1918 года решением ЦК РКП(б) Кедров был назначен руководителем Особого отдела ВЧК. Артузов стал особоуполномоченным этого отдела и секретарём Кедрова.

Одной из первых задач, которой Артузов занялся самостоятельно, стало проникновение в так называемый «Национальный центр» по борьбе с большевиками. Вышли на него случайно. Во время облавы на рынке задержали пятнадцатилетнюю девочку, которая безуспешно пыталась избавиться от револьвера. Она вывела на своего отца, некоего Бюрца, у которого обнаружили тайник со шпионскими донесениями и адресами явок. Напуганный Бюрц признался, что принимал участие в подготовке мятежа в Петрограде и был связным руководства «центра». Девочка к тому же рассказала о некоей «мисс». Та была задержана и допрошена Артузовым в очень мягкой интеллигентной форме.

Она вывела на руководителя «центра», а тот, в свою очередь, на резидента английской разведки Дюкса. Так подтвердились подозрения о том, что все более или менее серьёзные подпольные организации замыкаются на спецслужбы стран Антанты. Успех способствовал служебному росту Артузова, и вскоре он получил самостоятельный участок работы.

Главными силами, противостоявшими Советской власти после окончания Гражданской войны, были белогвардейские эмигрантские организации, действующие при поддержке спецслужб стран Антанты. Исходя из этого, и строилась работа ИНО — Иностранного отдела ВЧК-ОГПУ, одним из руководителей которого стал Артузов: изучение секретной деятельности контрреволюционных эмигрантских формирований, выявление их планов, установление филиалов и агентуры на советской территории, разложение организаций изнутри, срыв готовившихся диверсионно-террористических мероприятий.

Одним из первых успехов ИНО в 1921 году стала добыча шифров антисоветских организаций в Лондоне и Париже.

В начале 1921 года известный эсер-террорист Савинков создал за рубежом военную организацию «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС). В России было выявлено и арестовано около пятидесяти активных членов «союза», вскрыты связи савинковцев с польскими и французскими спецслужбами, подготовка мятежа и вторжения на территорию России.

Учитывая опасность савинковского движения и лично Б.Савинкова, ИНО начал «игру», получившую название «Синдикат». Было легендировано создание на территории РСФСР филиала «союза», именовавшегося «Либеральные демократы» (ЛД). Он якобы был готов к решительным действиям против большевиков, но нуждался в опытном руководителе, каковым считал Бориса Савинкова. Начался активный обмен письмами. Савинков засылал в Москву агентов, которых арестовывали или перевербовывали, а иногда «не замечали», чтобы они по возвращении в Париж могли объективно доложить о деятельности ЛД.

«Игра» длилась три года, и она достаточно подробно описана в художественной и документальной литературе, показана в кино. Так

что вряд ли есть смысл повторяться. Напомним лишь, что в августе 1924 года Савинков при нелегальном пересечении советской границы был арестован и предстал перед судом. 29 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему смертный приговор, а с учётом его раскаяния сама же ходатайствовала о смягчении приговора. Расстрел был заменён десятью годами лишения свободы. Но 7 мая 1925 года, по официальной версии, Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна пятого этажа.

Почти одновременно с операцией «Синдикат» развёртывалась и операция «Трест», одним из руководителей которой был Артузов.

В сферу деятельности Артузова входило множество других дел, в частности, организация нелегальной разведки за рубежом. Вот лишь пара примеров.

Одним из нелегалов Артузова стал Роман Бирк, эстонский офицер, который был завербован ещё при проведении операции «Трест» и с тех пор выполнил немало поручений разведки. Он сумел обосноваться в Германии, где завёл связи среди офицеров абвера и нацистской спецслужбы, а также в кругах, близких к правительству Папена. Информация от него поступала до 1934 года, когда ему пришлось покинуть Германию. Агентом Артузова был и Николай Крошко, деятельность которого способствовала разоблачению многих фальшивок и дипломатическому признанию СССР.

В январе 1930 года на заседании Политбюро Артузов докладывал о состоянии дел в разведке, о провалах и их причинах.

Летом 1931 года начальник ИНО Трилиссер ушёл на другую работу, и его место занял Артузов. В соответствии с указаниями Сталина он начал перестройку внешней разведки, задачи которой значительно расширились.

Если раньше главное внимание уделялось белой эмиграции, то теперь в сферу её интересов дополнительно вошли Англия, Франция, Германия, Япония и приграничные страны, выявление планов их правительств, получение научно-технической информации. Когда Артузов возглавил ИНО, работа как легальной, так и нелегальной разведок активизировалась. Это совпало с периодом признания

Советского Союза иностранными государствами, что расширило возможности и для работы разведки.

Для политического руководства страны было важно, какую позицию собирается занять Польша по отношению к Германии и Советскому Союзу. Летом 1933 года в Кремле было созвано совещание представителей НКВД, отдела международной информации ЦК партии, Разведупра и ИНО. Все они доказывали Сталину, что Польша больше ориентирована на СССР, и союз с ней — вопрос ближайшего будущего. И лишь Артузов заявил, что Польша никогда не пойдёт на союз с Москвой, и по сведениям из его источников возможное сближение с СССР лишь тактический ход, направленный на то, чтобы усыпить наше руководство. Никакого решения тогда не было принято, но Сталин запомнил слова Артузова. Они вскоре полностью подтвердились: Польша заключила договор о дружбе с Гитлером. На одном из товарищеских ужинов в Кремле Сталин подошёл к Артузову и произнёс в шутливом тоне: «Ну, а как ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют вас?» Артузов смутился от неожиданности и заверил «партию и правительство и лично товарища Сталина», что разведка не допустит дезинформации.

Работа продолжалась. Именно в период пребывания Артузова на посту начальника ИНО нелегал Арнольд Дейч заложил основы создания знаменитой кембриджской «пятёрки»: в неё входили Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Бёрджес, Антони Блант, Джон Кернкросс и другие, имена которых мы до сих пор не знаем.

Именно во времена Артузова начали свою работу такие известные разведчики, как Зарубины, Коротков, Быстролётов, Рощин и другие; было осуществлено похищение генерала Кутепова, нанёсшее тяжёлый удар по белому движению; действовал ценнейший агент «Франческо», имя которого до сих пор хранится в тайне и который передал такое количество секретных дипломатических материалов английского Форин Офиса, которое составляет несколько десятков томов. А ещё была работа на Дальнем Востоке, где поднимал голову японский милитаризм, происходили кровавые разборки в среде китайцев и исподволь действовали белогвардейцы.

Ну и конечно, Артура Христиановича можно назвать крёстным отцом берлинской «Красной капеллы». Именно при нём в ряды

советских разведчиков вступили Харро Шульце-Бойзен («Старшина»), Арвид Харнак («Корсиканец»), Адам Кукхов («Старик») и другие.

В этот же период наша военная разведка пережила череду неудач и провалов. Они следовали один за другим. Сталин решил принять срочные меры.

25 мая 1934 года Артузов был вызван в Кремль. В 13 часов 20 минут он вошёл в кабинет Сталина, где уже были Ворошилов и Ягода. Подробная обстоятельная беседа длилась шесть часов. Артузову предложили перейти в Разведупр.

Уходить в другой наркомат, хотя и на родственную работу, с понижением в должности и без всяких перспектив не хотелось. Артузов понимал, что как штатский человек он никогда не станет начальником Разведупра. Но слова Сталина, сказанные во время беседы: «Ещё при Ленине в нашей партии завёлся порядок, в силу которого коммунист не должен отказываться работать на том посту, который ему предлагается», — исключали выражение недовольства в любой форме. Как послушный член партии, Артузов не мог спорить с Генеральным секретарём. Единственное, что он попросил — взять с собой группу сотрудников, которых отлично знал по работе в ИНО. Сталин дал на это согласие.

Вместе с Артузовым в Разведупр перешли двадцать—тридцать чекистов, получивших хорошие должности. Уже позже, в ноябре 1935 года Артузов и бывший начальник Разведупра Берзин, а также чекисты Карин и Штейнбрюк получили звание корпусных комиссаров, что соответствовало званию генерал-лейтенанта. Такое же звание получил и сам начальник Разведупра комкор Урицкий.

В июне 1934 года Артузов представил Сталину и Ворошилову подробный доклад об агентурной работе Разведупра, с анализом ошибок и провалов. В нём отмечалось, что нелегальная агентурная разведка Разведупра практически перестала существовать в Румынии, Латвии, Франции, Финляндии, Эстонии, Италии и сохранилась лишь в Германии, Польше, Китае и Маньчжурии. Серьёзной ошибкой он считал использование агентуры из числа зарубежных коммунистов и лиц, связанных с компартиями. Но его пожелание в докладе: «Как правило, не следует использовать на

разведывательной работе в данной стране коммунистов данной страны», к сожалению, так и осталось на бумаге.

Артузов внёс ряд предложений по изменению структуры разведок, в частности, предложил по примеру ИНО ликвидировать информационно-статистический (то есть аналитический) отдел. Это стало крупным просчётом Артузова и сказалось на готовности военной разведки к войне.

По докладу Артузова было разработано и введено в действие «Положение о прохождении службы в РККА оперативными работниками разведорганов», которое значительно поднимало их статус, давало возможность обучаться в военных академиях, улучшало жилищные условия.

Началась повседневная работа. В октябре 1935 года в Москву приехал Шандор Радо. Артузов представил его начальнику Разведупра. В их беседах рождался план создания новой резидентуры, знаменитой в будущем «Доры».

Но вскоре произошёл новый, позорнейший и крупнейший за всю историю советских спецслужб провал, который получил название «совещание резидентов». Виновником его и главной фигурой был Улановский, руководитель резидентуры связи в Дании, который, вопреки запрету, продолжал привлекать к агентурной работе коммунистов. В результате предательства датская полиция арестовала 19 и 20 февраля 1935 года на явочной квартире, где была устроена засада, четырёх работников Центра и десять иностранных агентов военной разведки! В их пребывании на этой квартире не было необходимости — работники Центра были резидентами в других странах, в Дании находились проездом, а на квартиру зашли, чтобы «повидаться с друзьями».

В докладе наркомму обороны Артузов отмечал: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, поддаётся искоренению с большим трудом». Ворошилов, ознакомившись с докладом, наложил резолюцию: «Из этого сообщения, не совсем внятного и наивного, видно, что наша зарубежная разведка всё ещё хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и товарищ Артузов в смысле улучшения этого серьёзного дела...»

После копенгагенского провала начальник Разведупра Берзин подал рапорт об освобождении от должности,

который был удовлетворён. Начальником Разведупра назначили Урицкого, активного и энергичного военного разведчика.

Но ни Берзину, ни Артузову, ни Урицкому так и не удалось укрепить дисциплину, добиться соблюдения элементарных требований конспирации, скрупулёзного выполнения указаний руководства. К тому же существовал и внутренний раскол — люди Берзина, Артузова, Урицкого враждовали между собой. Отношения между Урицким и Артузовым испортились. Деспотичный и грубый начальник писал издевательские резолюции, а вскоре стал давать указания в отделы через голову своего заместителя.

Урицкий в 1936 году, когда уже начались массовые аресты в СССР иностранных коммунистов, высказал невнятные «политические подозрения» относительно ближайшего помощника Артузова Штейнбрюка, немца по национальности.

11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение об освобождении Артузова и Штейнбрюка от работы в Разведупре и их направлении в распоряжение НКВД. Во внешнюю разведку Артузова не пустили, а назначили на скромную должность начальника Особого бюро НКВД. Под этим громким названием скрывался архивный отдел. Артузов пытался встретиться с Ежовым, писал ему, но безуспешно. Дни Артузова были сочтены.

Начались массовые аресты сотрудников Разведупра. Было уничтожено руководство военной разведки, все начальники отделов и множество сотрудников рангом поменьше.

Изменился возрастной и национальный состав разведчиков. На смену латышским, польским и еврейским фамилиям пришли русские. На смену генералам — майоры, выпускники академий, в графе о социальном происхождении у которых значилось «из рабочих», «из крестьян».

Надо признать, что они совершили чудо. Разгромленная, бесперспективная, полуживая разведка за два с небольшим года возродилась и во время Второй мировой войны стала одной из сильнейших в мире.

А что же произошло с Артуром Христиановичем?

13 мая 1937 года на партийном активе в НКВД один из руководителей наркомата Фриновский обозвал его шпионом. В ту же

ночь Артузов был арестован в своём рабочем кабинете. Две недели над ним «работали» палачи из его прежней организации. И безуспешно. Чтобы избежать страданий, этот сильный человек сдался и был готов не только взять на себя любую вину, но и оговорить других, в частности Штейнбрюка. В его деле всего два протокола: от 27 мая и 15 июня 1937 года. Вот выдержки из них:

«— На протяжении ряда допросов вы упорно скрываете свою вину и отказываетесь давать следствию показания о своей антисоветской и шпионской деятельности. Всеми имеющимися в распоряжении следствия материалами вы полностью в этой деятельности изобличены. Вам в последний раз предлагается сознаться в совершённых вами преступлениях и дать о них развёрнутые и правдивые показания, — начал следователь.

— Тяжесть совершённых мною в течение многих лет преступлений, глубокий позор предательства побуждали меня сопротивляться следствию. Я вижу, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и решил стать на путь полного признания преступлений, совершённых мною, и давать следствию искренние показания о своей преступной деятельности.

— Вам уже предъявлялось обвинение в преступной связи с иностранным государством. Расскажите подробно следствию, кому вы предали интересы нашей Родины?

— Я признаю свою вину перед государством и партией в том, что являюсь германским шпионом. Завербован я был для работы в пользу немецких разведывательных органов бывшим работником НКВД и Разведупра Штейнбрюком».

Далее он рассказывает о своём разочаровании в коммунистических идеалах, о неверии в возможность победы социализма в СССР, о контактах Штейнбрюка с руководителем абвера фон Бредовом и даже с таким известнейшим военачальником, как Людендорф, об отказе получать какие-либо деньги за свою работу на германскую разведку.

«— Следствие располагает данными, что ваша работа в германской разведке не ограничивалась передачей шпионских материалов. Вы предавали и известную вам агентуру.

— Как правило, выдачей агентуры я не занимался, за исключением нескольких случаев, о которых дам показания. С приходом к власти

Гитлера и после убийства фон Бредова наша организация некоторое время была без связи, но несколько позже Штейнбрюк её восстановил, сказав, что нашим шефом стал очень активный разведчик адмирал Канарис. Адмирал стал требовать выдачи агентуры, против чего я всегда категорически возражал. Одним из ценнейших работников был агент № 270 — он выдавал нам информацию о работе в СССР целой военной организации, которая ориентируется на немцев и связана с оппозиционными элементами внутри компартии. Штейнбрюк стал уверять, что если мы 270-го не выдадим, то немцы нас уничтожат. Пришлось на выдачу 270-го согласиться. Это было тяжелейшим ударом для СССР. Ведь ещё в 1932 году из его донесений мы узнали о существующей в СССР широкой военной организации, связанной с рейхсвером и работающей на немцев. Одним из представителей этой организации, по сообщению 270-го, был советский генерал Тургуев — под этой фамилией ездил в Германию Тухачевский.

— Какую предательскую и шпионскую работу вы вели, работая в Разведывательном управлении РККА?

— Судя по информации, немецкое начальство было очень довольно нашим со Штейнбрюком переходом на работу в Разведуправление. Немцы были заинтересованы в усилении чисто военной информации об СССР и его армии. Мы передавали секретные сводки о Германии, Польше, Румынии и Чехословакии, отправляли выводы, сделанные генштабистами после различных военных игр, сообщали о возможном развёртывании наших войск в случае войны. Но больше об этом знает Штейнбрюк — все документы доставал и передавал он.

— Таким образом, следствие констатирует, что вы из идейных побуждений и симпатии к фашизму в течение двенадцати лет состояли на службе шпионом германской военной разведки. Находясь на руководящей работе в органах ОГПУ, вы направляли работу контрразведывательного и иностранного отделов таким образом, чтобы максимально обеспечить интересы германского фашизма. Вы передали немцам часть нашей агентуры, кроме того, вы передали нашим заклятым врагам, немецким фашистам, все имевшиеся в вашем распоряжении данные о Красной армии. Подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю».

15 июня Артузова вызывают на второй допрос.

« — В распоряжении следствия имеются материалы о том, что вы в своей антисоветской и шпионской деятельности были связаны с бывшим наркомом внутренних дел Ягодой.

— Не желая усугублять свою и без того тяжёлую вину перед советским государством, должен сознаться, что я скрыл от следствия свою преступную связь с Ягодой и своё участие в антисоветском заговоре, им возглавлявшемся. Став на путь полного раскаяния, теперь уже окончательно, я решил рассказать следствию всю правду. Ягода действительно завербовал меня на почве того, что знал о моей шпионской деятельности, но не с немцами, а с французами... И вообще, я работал на три разведки. В 1919 году я был завербован для ведения шпионской и разведывательной работы в пользу Франции, в 1925 году в пользу Германии и в 1932 году в пользу Польши, причём во французскую разведку меня завербовал двоюродный брат А.П. Фраучи, а в польскую — сотрудник иностранного отдела НКВД Маковский, который в это время был нашим резидентом в Париже.

— В ходе следствия вы несколько раз изобличались в даче ложных показаний. Мы располагаем данными о том, что вы и сейчас не говорите всей правды, увильваете от прямых ответов. Всё ли вы показали о своей антисоветской и шпионской деятельности?»

И вот она, «бомба», оставленная напоследок:

«— Признаю, что не всё. Мне очень трудно было начать с того, что я являюсь старым английским шпионом и был завербован „Интеллидженс сервис“ в Санкт-Петербурге в 1913 году. Я прошу сейчас прервать допрос и дать мне возможность восстановить все факты моей деятельности».

Это были последние слова Артура Христиановича.

Кроме того, в деле содержится написанная кровью на тюремной квитанции записка Артузова, где он отрицает, что является шпионом, и приводит доказательства этого.

Есть и обвинительное заключение, в котором сказано:

«По делу фашистской заговорщической организации, руководимой предателем Ягодой, арестован один из активных участников этого заговора, бывший начальник КРО и ИНО НКВД СССР и бывший заместитель начальника Разведупра РККА Артузов (Фраучи) Артур Христианович.

Произведённым по делу расследованием принадлежность Артузова (Фраучи) А.Х. к фашистскому заговору полностью подтвердилась, а также установлено, что он является шпионом с 1913 года, работавшим одновременно на службе у немецкой, французской, польской и английской разведок».

21 августа 1937 года Артузов был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян.

Он был посмертно реабилитирован в 1956 году.



А.Х. Артузов (Фраучи)

Ф. Ницше писал: «Быть моральным, нравственным, этичным – значит оказывать повиновение издревле установленному закону или обычаю. При этом безразлично, подчиняются ли ему насильно или охотно, – существенно только то, что это вообще делают».

1964 год. На телеэкраны страны Советов выходит многосерийный телефильм «Операция "Трест"». Широкая общественность впервые узнает о крупном чекисте, соратнике Дзержинского – Артуре Христиановиче Артузове.

Артур Христианович Фраучи (Артузов) не случайно был популяризирован в «послеоттепельские» 60-е годы благодаря заказному от КГБ при Совете Министров роману Льва Никулина «Мертвая зыбь» и его телеверсии «Операция "Трест"» где Артузова талантливо, остро сыграл Армен Джигарханян. Практически одновременный выход в свет двух произведений – литературного и кинематографического ознаменовал начало очередного этапа мифологизации ЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, продлившегося до середины 80-х годов XX века. Это был «золотой» андроповский этап в истории органов безопасности, впрочем, закончившийся не только полным в государственном масштабе развенчанием, как сказал небезызвестный Бакатин, идеологии и практики ЧеКизма, но и разгромом и развалом самой коммунистической системы, оплотом которой структуры госбезопасности и были.

Но это было позднее. А в 60-е годы образом Фраучи-Артузова в массовое обывательское сознание методично вдабливался тщательно отретушированный портрет чекиста-интеллигента, насмешливо-снисходительно переигрывавшего политических противников коммунистической партии и советского государства. Игра велась на очерченной революцией интеллектуальном поле, где Артузов – небрежен, изящен, ироничен, саркастичен. Действительно великолепен актер Джигарханян в роли Артузова – это такое сардоническое, элегантно-мягкое изящество закормленного кота, притворно ласково урчащего с беззащитной, не имеющей возможности сопротивляться мышкой в лице врагов Советского государства; кота, заранее знающего запланированный для мышки

печальный и неизбежный в силу законов революционной логики результат. Позднее, в 70-е годы Фраучи-Артузов вновь появляется в полудокументальном романе В. Ардаматского «Возмездие», а уже в 80-е – в откровенно апологетической повести Т. Гладкова и Ф. Зайцева «И я ему не могу не верить...», появляется все в той же маске полумифа, полусагадки, чья жизнь и работа – под покровом тайны, полна недомолвок, многозначительных недоговоренностей. Наконец, самое полное и объемное творение об Артузове выходит в 2000 году из-под пера же Т. Гладкова под эмоциональным названием «Награда за верность – казнь».

На протяжении десятилетий усиленно проталкивается только одно – высочайшие морально-нравственные качества Артузова – умнейшего, честнейшего, интеллигентнейшего, одного из 20 тыс. репрессированных Ежовым – Сталиным «чекистов-дзержинцев». В этом отношении примечателен очерк «Артур Христианович», опубликованный во 2-м томе шеститомного сборника «Очерки истории Российской внешней разведки», вышедшем под редакцией Е.М. Примакова. Даже в конце 90-х, в свободной России, Артузова показывают в придуманном в 60-е годы образе кристально чистого, честного, необычно совестливого разведчика, невинной жертвы Сталина и пролетарского маршала Ворошилова.

Вместе с тем достаточно удачная, но не до конца полная попытка создания портрета Артузова, анализа его деятельности в разведке и контрразведке предпринята А. Папчинским и М. Тумшисом в исследовании «Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК», опубликованном в 2001 году.

Насколько искусственно сформированный и санкционированный ЦК КПСС и КГБ СССР образ Фраучи-Артузова соответствовал действительности? Почему Ягода, Ежов, Паукер, Молчанов, Евдокимов, Берия, Абакумов – преступники, не подлежащие реабилитации, а Артузов – незапятнанный чекист-разведчик, «отец советской контрразведки»? Насколько можно было в той мясорубке оставаться абсолютно честным и чистым? Каким образом мораль общечеловеческая могла соответствовать придуманной и насильно привнесенной в общество морали пролетарской, классовой? И насколько моральным (аморальным?) можно было оставаться,

работая в ЧК-ГПУ – орудии беспощадного коммунистического террора?

Свидетельствуют документы, где изложены некоторые доктринальные установки политического руководства РСФСР – СССР 20-х годов.

Среди них – Постановление Совета Народных Комиссаров по обсуждению доклада председателя ВЧК Ф. Дзержинского от 5 сентября 1918 г., подписанное наркомом юстиции Д. Курским, наркомом по внутренним делам Г. Петровским, управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем. В этом постановлении сказано: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

Среди них – совершенно секретное письмо В. Ленина в Политбюро от 19 марта 1922 г. Вот отдельные выдержки из этого поистине злодейского документа: «...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Среди них откровения члена коллегии ВЧК М. Лациса в газете «Красный Террор». Спустя лишь год после Октябрьского переворота в ноябре 1918 года он писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц... Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии

материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования и профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысле и сущность красного террора».

Среди них – полемика председателя Реввоенсовета Л. Троцкого с известным теоретиком II Интернационала К. Каутским. В 1920 году Троцкий, в то время еще виднейший руководитель большевистской партии и государства, декларирует: «Кто отказывается принципиально от терроризма, то есть от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса, от его революционной диктатуры».

Без сомнения Фраучи-Артузов, выполняя организационно-управленческие функции в высшем, стратегическом звене контрразведки ВЧК, не мог не руководствоваться подобными установками, более того, не мог не осуществлять их на практике с рвением, усердием, иначе неусердие было бы немедленно отмечено, отслежено, доложено и в результате он оказался бы немедленно сжеван системой гораздо более ранее, чем это произошло с ним, сжеван и заменен, может быть, на менее интеллигентного, но еще более преданного и напуганного, более аморального, рвущегося наверх, более непресытившегося неограниченной властью над людьми.

Фраучи-Артузов являлся одним из немногих чекистских руководителей, имевших базовое высшее образование. Он окончил металлургическое отделение Петербургского политехнического института, работал в уникальном конструкторском бюро под руководством знаменитого российского инженера-металлурга В.Е. Грум-Гржимайло. Диплом инженера в дореволюционной России имел ценность значительную, он свидетельствовал о разносторонних знаниях его обладателя, эрудиции профессиональной компетенции, широте взглядов; быть инженером было престижно.

Не ставим себе целью рассматривать научно-технические изыскания учителя Фраучи-Артузова В.Е. Грум-Гржимайло. Для нас интересна атмосфера среды, формировавшей Фраучи, уже далеко не юношу, среды студенческой, среды молодых инженеров-

специалистов, среды уже несемейной, не домашней. С атмосферой в семье ясно – положение детей эмигрантов, лиц некоренной, нерусской национальности, частые вынужденные переезды, отсутствие собственного постоянного угла, а главное – отсутствие корней, родовых корней, привязанных к своей земле; плюс революционные родственники в лице двух дядей, мужей родных сестер матери – большевиков Михаила Кедрова и Николая Подвойского, преодоление подсознательного комплекса «ущемленного» в силу социального происхождения человека. Безусловно, семья сформировала из юного Фраучи если не революционера, то, во всяком случае, далеко не приверженца существующего в царской России строя.

Итак, Грум-Гржимайло. Вот как характеризует его, базируясь на документальных источниках, член-корреспондент РАН О.А. Платонов, автор знаменитой «Истории русского народа в XX веке». Российская интеллигенция, перешедшая на службу большевизму, исповедовала совершенно аморальную истину – «факт бесспорного перехода власти в какие-либо руки делает новое правительство законным». Эти слова принадлежат Грум-Гржимайло – учителю Фраучи, тогда еще не Артузова. Отсутствие национального сознания у значительной части старой российской интеллигенции делало ее пособником в антироссийских экспериментах большевиков. Не понимая истинных особенностей русского характера, вместо того, чтобы осудить аморальные коммунистические утопии, шедшие вразрез с национальными традициями и обычаями страны, многие представители интеллигенции с готовностью, усердием включились в этот эксперимент.

Справедливости ради необходимо отметить, что не только инженерно-техническая элита, интеллигенция со щенячьим восторгом встречала революцию.

Мир строится по новому масштабу.

В крови, в пыли, под пушки и набат

Возводим мы, отталкивая слабых,

Утопий град – заветных мыслей град, -

писал поэт Николай Тихонов в ноябре 1918 года.

В первых рядах идеологов революции дружно шагали и футурист Маяковский, и супрематист Малевич, и лирический сюрреалист

Шагал («Ленин перевернул Россию вверх ногами точно так же, как я поступаю в своих картинах»), и реформатор театра Мейерхольд, – но не только авангардисты. Четко печатали свой шаг мистики-символисты: «Левой! Левой! Левой!»

«Да, на Руси крутит огненный вихрь... Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит... Перевернется весь мир», – предвкусил Иванов-Разумник, идеолог скифства, в окружении которого были тогда многие. Они воспринимали русскую революцию как мессианское религиозное движение – разрушительное, но очищающее.

«Быть большевиком не плохо и не стыдно, – объясняет Ходасевич Садовскому в декабре 1917 года. – Говорю прямо: многое в большевизме мне глубоко по сердцу».

Интеллигенция в революцию большевиков и эсеров не только шла сама. Тех, кто не шел, зазывали. Ленин – пролетарскому писателю Горькому в 1918 году: «Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам...».

В.Е. Грум-Гржимайло, дослужившийся до председателя научно-технического совета ВСНХ (а кто председатель ВСНХ? – первый чекист Ф. Дзержинский – интеллигенция и политическая полиция вместе: отдельная тема на стыке морали, психологии, политики, права, нравственности и безнравственности), считал, что за большевистский эксперимент непременно следует заплатить дорогой ценой. «Большевики хотят сделать опыт создания социалистической постройки государства. Он будет стоить очень дорого. Но татарское иго стоило еще дороже, однако благодаря татарской школе русские сделали государственной нацией. Временный упадок и ослабление нации с избытком покрывается выгодами такой школы. Увлечение большевизмом сделает русскую нацию такой же сильной, как американская. Подавление большевиками личной инициативы в торговле и промышленности, бюрократизация промышленности и всей жизни сделают русских нацией инициативы, безграничной свободы. Большевики излечат русских от национального порока – беспечности и, как следствие ее, расточительности. За это стоит заплатить. Вот почему приветствую этот опыт, как бы тяжелы не были его последствия для современного поколения».

С благословения интеллигенции российской, в том числе и профессора Санкт-Петербургского университета В.Е. Грум-Гржимайло, заплатили десятками миллионов жизней своих сограждан, полной хозяйственной разрухой, потерей территориальной целостности, превращением великой многовековой империи в подопытную лягушку для сомнительных экспериментов кучки отщепенцев, своровавших власть, сорвавших кожу с российского народа и, в конце концов, сожравших и себя самих.

Выделим отмеченный О.А. Платоновым аморализм русской интеллигенции. Именно аморализм и был доминантой в деятельности чекиста-супермифа Фраучи-Артузова. Аморализм, замешанный на крови соотечественников.

1918 год. Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской губерниях Совет Народных Комиссаров направляет на север России «Советскую ревизию народного комиссара М.С. Кедрова». В числе «ревизоров» – отряд профессиональных палачей – латышских стрелков. Работу кедровской «ревизии» описывает русский историк Сергей Петрович Мельгунов в книге «Красный террор в России». В ней поездка Кедрова именуется не иначе, как «карательной экспедицией». «В Архангельске Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баржу вблизи Холмогор и затем по ним открывает огонь из пулеметов... В верстах 10 от Холмогор партии прибывших (в концентрационный лагерь) расстреливались десятками и сотнями. Лицу, специально ездившему для нелегального обследования положения заключенных на севере, жители окружных деревень называли жуткую цифру – 8 тысяч таким образом погибших...». После работы комиссии Кедрова Архангельск называют «городом мертвых». Мельгунов отмечает, что «были случаи расстрелов 12 -16-летних мальчиков и девушек».

Для придания видимости революционной законности расстрелы оформлялись соответствующими документами-решениями. В архангельских «Известиях» периодически печатались списки лиц, к которым «Советская ревизия» Кедрова применила расстрел.

Секретарем карательной «ревизии» был 27-летний дипломированный инженер-металлург Артур Фраучи.

Не под влиянием ли организации этих массовых расстрелов Фраучи-Артузов напишет позднее в своем дневнике: «Боюсь одного: выдержит ли моя психика ту огромную нагрузку, которая пала на мои плечи по праву большевика? Должен же быть какой-то защитный панцирь в той изнурительной борьбе, которую приходится вести ежедневно?».

Путь, приведший Фраучи-Артузова в контрразведку, определен не предварительной подготовкой профессионала, не жизненным опытом, не целевыми установками, а его величеством случаем – дядя Фраучи М. Кедров после успешной «ревизии» севера России в 1919 году становится руководителем советской военной контрразведки – Особого отдела ВЧК. Особоуполномоченным этого отдела становится и Артур Фраучи, взявший, очевидно не случайно, после кровавой бойни на Севере псевдоним «Артузов».

Что значит быть допущенным руководить военной контрразведкой в разгар Гражданской войны, когда не столько от боеспособности, сколько от лояльности армии, прежде всего ее высшего и среднего командного состава, напрямую зависит судьба большевистского государства, судьба самих большевистских вождей и их семей? Это означало наивысшую степень доверия правителей страны человеку, в чьи руки отдавался неограниченный, тотальный контроль над армией. Очевидно, при этом учитывался и «опыт» работы Кедрова с «офицерским контингентом» в Архангельске.

Влияние Кедрова на Артузова поистине многогранно. В семье Кедров-революционер формирует из юного племянника человека с мышлением государственного преступника. Став одним из руководителей государства, Кедров личным примером формирует у уже зрелого 27-летнего Артузова психологию палача, привлекая его к массовому террору. К слову, Кедров воспитывал не только одного племянника. Его сын, Игорь Кедров, прославился как один из самых жестоких следователей ежовского НКВД. Свидетельствует высокопоставленный сотрудник советской военной разведки В. Кривицкий (Самуил Гинзбург): «В мае 1937 года, в разгар великой чистки, мне представилась возможность поговорить с одним из следователей ОГПУ – неким Кедровым, в то время занимавшимся выбиванием признаний. Разговор шел о методах нацистской полиции. Вскоре он перекинулся на судьбу лауреата Нобелевской

премии мира, прославленного немецкого пацифиста Карла фон Осецкого, в то время узника гитлеровской тюрьмы, погибшего в 1938 году.

Кедров говорил тоном, не терпящим возражения: "Осецкий мог быть хорошим человеком до ареста, однако, побывав в руках гестапо, он стал их агентом". Я попытался возразить Кедрову и пробовал объяснить ему величие характера и достоинства человека, о котором шла речь.

Кедров отметал все мои аргументы: "Вы не знаете, что можно сделать из человека, когда он у вас в кулаке. Здесь мы имеем дело со всякими, даже с самыми бесстрашными. Однако мы ломаем их и делаем из них то, что хотим!"».

Случайность ли – сын и племянник М. Кедрова оказались одной и той же социально-психологической типологии, типологии интеллигентов-аморалистов? Сын М. Кедрова – руководствовавшийся формулой аморального интеллигента-прокурора-юриста-дипломата-академика Вышинского: «Если ставить вопрос об уничтожении врага, то мы и без суда можем его уничтожить», племянник М. Кедрова – убийца интеллектуальный, для которого люди – всего лишь шахматные фигуры в придуманной, инспирированной в болезненном воображении игре в разведку и контрразведку.

Михаил Кедров не шел против общепринятых в большевистской среде правил, пристраивая своего племянника в ВЧК. Личная уния применительно к карательным органам власть предержащими реализовывалась неуклонно. Инстинкт самосохранения? Высокие должности в ЧК-ОГПУ-НКВД длительное время занимал барон фон Пильхау Романас Людвикас – Роман Александрович Пиляр, остзейский немец, являвшийся двоюродным племянником самого Дзержинского. Несмотря на незавершенное образование (2 курса юридического факультета Петербургского университета) и достаточно молодой возраст (в 1920 году ему было всего 26 лет) Пиляр последовательно занимал должности заместителя начальника контрразведывательного отдела ВЧК, заместителя председателя и председателя ГПУ Белоруссии, наркома внутренних дел Белорусской ССР, начальника ряда территориальных управлений НКВД, дослужился до звания комиссара госбезопасности 2-го ранга.

Первый советский президент Я. Свердлов определил к Дзержинскому в качестве секретаря президиума ВЧК сына двоюродного брата своего отца, ровесника Артузова – Генриха Ягоду (Енона Гершоновича Иегоду), тоже сделавшего поистине феерическую карьеру: управделами особого отдела ВЧК, заместитель начальника особого отдела ВЧК, 2-й, а затем 1-й заместитель председателя ОГПУ, нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности.

Основное содержание деятельности Артузова в контрразведке и разведке не шпионаж и контршпионаж, а разработка русской эмиграции. Считается, что в основном исход беженцев из Советской России завершился в ноябре 1920 года, когда из Крыма на 120 судах было вывезено около 150 тыс. русских людей. Из общего количества лиц, покинувших страну, а это около 2 млн. человек, примерно пятая часть – военнослужащие Белой армии.

По официальной версии, растиражированной в советских исторических изданиях, от русской эмиграции в 20 -30-е годы исходила угроза существованию большевиков в России.

Реальная же проблема была в угрозе интеллектуальной, ибо в эмиграции оказались лучшие умы России: ученые, писатели, инженеры, конструкторы, художники, военные, разведчики, политики, композиторы, идеологи, экономисты, поэты, финансисты, православные священнослужители – словом, те, кого без преувеличения можно назвать интеллектуальной элитой России; в значительной степени в эмиграции был сохранен, спасен генофонд русской нации.

Мысль, идея, духовная аура, исходившая от М.А. Алданова, А.В. Амфитеатрова, К.Д. Бальмонта, Н.С. Батюшина, А.Н. Бенуа, Н.А. Бердяева, И.Я. Билибина, С.Н. Булгакова, И.А. Бунина, Г.В. Вернадского, А.Н. Вертинского, С.М. Волконского, Р.Б. Гуля, А.И. Деникина, С.П. Дягилева, Е.И. Замятина, Иоанна Шаховского, В.Н. Ипатьева, В.В. Кандинского, Л.П. Красавина, Ф.Ф. Комиссаржевского, А.И. Куприна, Н.О. Лосского, С.П. Мельгунова, В.В. Набокова, Б.В. Никитина, Б.И. Николаевского, М.А. Осоргина, С.С. Прокофьева, Св. Рахманинова, П.Ф. Рябикова, Д.Л. Рябушинского, Л.Н. Савицкого, И.И. Сикорского, С.Г. Скитальца, М.Л. Слонима, И.Ф. Стравинского, П.Б. Струве, Н.С. Трубецкого, Н.В. Устрялова, С.Л. Франка, В.Ф. Ходасевича,

А.Е. Чичибабина, З.А. Шаховской, И.С. Шмелева, Р.О. Якобсона и многих других для кремлевских правителей на протяжении всего существования Советской власти была опаснее сотен вражеских дивизий.

Не случайно, в первые десять – пятнадцать лет существования Советской власти ВЧК-ОГПУ интересовали не столько иностранные разведки, сколько российская эмиграция, ее политические и военные организационные структуры, открыто ставящие своей целью свержение большевистского правительства, восстановление российской государственности.

Необходимость проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции продиктовала создание в органах госбезопасности СССР внешней разведки.

Была ли угроза существованию государства Советов со стороны организованных эмиграционных кругов реальной, действительной или мнимой, преувеличенной? Считается, что 20-е годы были расцветом российской эмиграции, русской национальной интеллигенции. Как отмечает О.А. Платонов, «пройдя через горнило опыта братоубийственной брани, русская интеллигенция сумела подняться выше своего обычного уровня и разглядеть с его высоты то, что не могла увидеть раньше: глубину духовных ценностей святой Руси и неисчислимые полчища ее внешних врагов». В эмиграции были отшлифованы нравственные качества самой высокой пробы: служение общечеловеческим идеалам, самопожертвование во имя блага и интересов Отечества, Родины, народа, принципиальность, высокая гражданственность, бескомпромиссность в борьбе за истину и справедливость.

Верхушка коммунистической партии прекрасно понимала, что реальной угрозы физическому существованию Советского государства со стороны российской эмиграции не было. К середине 20-х годов было ясно, что военные методы борьбы с Советской властью полностью себя исчерпали. Боролись с другой угрозой – идеей, носителями идеи, потенциальными и действительными. Подавив всякое инакомыслие внутри страны, боролись с животворным источником свободной мысли за рубежом. И эта борьба, начатая Артузовым, продолжалась еще шесть десятилетий,

вплоть до трагического крушения советской империи. На операциях против российской эмиграции написаны десятки учебников, по которым воспитывалось не одно поколение чекистов.

В передовом отряде борьбы с русской эмиграцией и нашел свое место выходец из обрусевшей швейцарской семьи, российский интеллигент А.Х. Фраучи-Артузов.

Начатую при активном участии Артузова борьбу с эмиграцией продолжают его последователи, так сказать ученики.

В 30-е годы в разведке и контрразведке перестанут играть в изящные интеллигентские оперативные игры и начнут убивать, взрывать, топить, устраивать аварии, отравлять. Тысячи эмигрантов будут насильно при участии ГУКР «Смерш» и НКВД вывезены после войны в СССР и брошены в лагеря – с женами, детьми – все, повально.

В 40-50-е годы те, кого не удалось через союзников-англичан затащить в СССР, также беспощадно уничтожались, только более изящно, используя яды, имитирующие сердечные приступы.

Не до игр.

А Артузов со своими оперативными играми войдет в классику разведки и контрразведки. И портрет его повесят в музее СВР в Ясенево. По официальным версиям, на Фраучи-Артузове крови нет. На его примере санкционировано будут воспитывать новые поколения разведчиков.

Мы уже отмечали, что учителем Артузова по инженерной линии был В.Е. Грум-Гржимайло. Наставники Артузова-чекиста – большевики-революционеры Дзержинский, Кедров и... генерал-майор свиты его величества по гвардейской пехоте, в 1913 – 1915 годах товарищ министра внутренних дел царской России Владимир Федорович Джунковский.

Джунковский в числе других видных деятелей царской политической полиции будет привлечен к работе в ВЧК-ОГПУ после того, как в 1922 году по инициативе Дзержинского было оформлено соответствующее разрешение ЦК РКП(б) привлекать для работы в органах безопасности бывших сотрудников охранного отделения департамента полиции «как специалистов по разработке антисоветских акций». При принятии данного решения партийная верхушка руководствовалась двумя основными мотивирующими

факторами: 1) в условиях мирного времени прежние методы работы ЧК, в основе своей заключающиеся в массовых карательно-репрессивных мерах по отношению к населению себя изжили. Да и политические противники большевиков были, наученные горьким опытом попыток легальной политической борьбы, либо в эмиграции, либо достаточно хорошо законспирированы; 2) царская политическая полиция имела общепризнанные превосходные традиции эффективной и результативной работы именно по эмиграции: легендарный Петр Рачковский – «полицейский Маккиавели», его ученики – Ратаев, Гартинг, Красильников в конце XIX – начале XX веков создали и поддерживали уникальную заграничную агентурную сеть, позволявшую освещать практически всю зарубежную деятельность оппозиционных монархии партий и движений, оказывать на нее необходимое воздействие и влияние, поддерживать взаимодействие с английской, французской, германской, итальянской и швейцарской полицией.

Овладение опытом спецслужбы означает, прежде всего, перенос методов работы. А излюбленным методом царской политической полиции была провокация. Сущность провокации – искусственное создание доказательств совершения преступной деятельности. Этот метод царской охранкой использовался активно и повсеместно, независимо от того, где проводилась оперативная разработка – в России или за границей. Провокация стала почерком политической полиции России.

Оформленный упомянутым секретным постановлением ЦК РКП(б) реверанс в сторону непревзойденной школы царской политической полиции свидетельствовал не только об определенной эволюции в принципиальной позиции большевистского руководства после завоевания власти; об эволюции в отношении к полиции вообще как составной части политической системы государства.

Окончательно срывалось покрывало, видимость законности в борьбе с оппозицией, открывались шлюзы – чекистам давали понять: для достижения целей подавления инакомыслящих дозволено использовать все средства.

Позднее, в 30-х годах, дополнительно к провокации разрешили и пытки; разрешили специальным решением ЦК ВКП(б).

Именно Джунковский, привлеченный к работе по разработке российской эмиграции и явился одним из закулисных идеологов, вдохновителей и организаторов одной из грандиозных провокаций XX века – операции «Трест». Операции, во многом сформировавшей специфический оперативный почерк работы ОГПУ-НКВД, заключающийся в повсеместном использовании метода провокации. Метода, в полном объеме заимствованного из арсенала департамента полиции МВД царской России и существенно усовершенствованного ОГПУ СССР. Метода, безусловно, аморального.

Все совпало в нужное время и в нужном месте. Аморализм части российской интеллигенции наложился на аморализм востребованных новым режимом методов царской охраны. В основу поведенческой мотивации руководства ЧК-ОГПУ легла воинствующая русофобия. К этому добавился радикальный непрофессионализм и крайне низкий образовательный уровень (если о таком можно вообще говорить) большинства чекистов-руководителей. Да и откуда ему было взяться – профессионализму? Оперативного работника-агентуриста пестуют годами, подлинными руководителями оперативных подразделений разведки и контрразведки становятся, отработав в спецслужбе не один десяток лет. Так же, как нельзя в одночасье стать истинно сформировавшимся, подготовленным военачальником, не пройдя последовательно все ступени армейской служебной лестницы (взвод, рота, батальон, полк, дивизия, корпус, армия), невозможно выбиться в руководители спецслужб, не отработав «в поле».

Не один Артузов был аморален и поверхностен на начальном этапе карьеры в своем виде деятельности. Не менее аморален был и знаменитый пролетарский маршал Михаил Тухачевский, выходец из той же интеллигентной среды, что и Артузов. Только Артузов беспощадно срезал интеллектуальный слой России: офицерство, ученых, писателей, священников, не продавшуюся русскую интеллигенцию, а Тухачевский диковинным в то время химическим оружием беспощадно уничтожал вековую основу земли Русской – пухнувших и умирающих от голода, доведенных большевизмом до отчаянья российских тамбовских крестьян. Оба, Тухачевский и

Артузов, не стесняясь, носили ордена, полученные за геноцид против русского народа.

Любопытное совпадение. В подавлении тамбовского восстания по распоряжению Ленина самое активное участие принимает дядя Артузова – Михаил Кедров. При подавлении восстания ведомые Тухачевским и Кедровым каратели убили более 100 тыс. крестьян, значительную часть которых составляли женщины, дети и старики.

Система свела Артузова и Тухачевского, по меньшей мере, дважды. В первый раз Тухачевский активно используется в курируемых Артузовым контрразведывательных операциях – «Тресте» и ряде «Синдикатов», известных под номерами «2», «4» и т.д.

Во второй раз Артузов в 1937 году сознательно, спасая свою шкуру, иначе сказать нельзя, заталкивает Тухачевского в уже заготовленную для него Сталиным и Ежовым ловушку, но об этом позже.

Разумеется, нельзя огульно причислять всех руководителей ОГПУ 20 – 30-х годов к личностям полностью аморальным, хотя жизнь большевистской верхушки тех лет повсеместно пронизывали цинизм, предательство, жестокость, зависть, стяжательство. Люди, принадлежавшие к этому кругу, отвергали общепринятые моральные устои; ложь, лицемерие, двойные стандарты жизни стали нормой отношений. Господствовала идеология пренебрежения к человеческой жизни, вседозволенности. Они поставили себя не только над нравственностью, моралью, но и над законом и обществом, причислив себя к избранным.

Тем не менее, среди руководства ОГПУ находились люди, отдававшие себе отчет, во что могут вылиться массовые провокации, чем грозит обществу бесконтрольное всевластие тайной политической полиции, манкирование законностью. В 1930 году по делу оперативной разработки «Весна» ОГПУ было арестовано и осуждено более 3 тыс. генералов и офицеров бывшей царской армии, обвинявшихся «в принадлежности к антисоветским организациям и проведении враждебной деятельности против СССР». Среди них были известные военные теоретики и ученые А. Снесарев, А. Верховский, Н. Какурин, П. Сытин, А. Свечин, К. Мехоношин, Д. Шуваев, Н. Сологуб и др. Основными

доказательствами по делу были показания самих арестованных. О том, как они добывались, лучше всего свидетельствует письмо наркому обороны К. Ворошилову видного военного ученого А.И. Верховского, на свою беду женатого на сестре последнего председателя Временного правительства А.И. Керенского. Вот что пишет Александр Иванович Верховский, заслуженный генерал русской армии, добровольно перешедший на службу в Красную Армию в феврале 1919 года, впоследствии ставший членом Особого совещания по обороне при главнокомандующем Вооруженными Силами республики, профессором Военной академии РККА, начальником штаба Северо-Кавказского военного округа, автором многочисленных научно-исследовательских работ, учебников, монографий. Для наиболее адекватной передачи духа, обстановки 30-х годов, в которых творил Артузов, без купюр представляем читателю крик души боевого генерала, не раз смотревшего смерти в лицо на поле боя, награжденного за храбрость императором именным оружием.

«Товарищ народный комиссар!

Я хочу доложить Вам то, что случилось со мной, потому, что судебная ошибка, имевшая место в моем деле, может повториться, принося, как я понимаю, ущерб авторитету Советской власти.

Я повторяю в этом докладе то, что мной письменно сообщалось начальнику Особого отдела ОГПУ и прокурору СССР в 1933 году.

2 февраля 1931 г. во время служебной командировки в купе поезда на меня сзади набросились четверо граждан в штатском. Предполагая нападение бандитов, я стал кричать, звать на помощь. Только когда мне предъявили ордер об аресте. Меня высадили из поезда в Воронеже, и здесь два следователя – Николаев и Перлин – в течение трех недель по очереди вели допрос с короткими перерывами на еду и сон. Они довели меня до того, что я давал показания в состоянии крайнего переутомления, плохо понимая окружающее.

Допрос был построен так. Мне было сказано, что моя вина перед Советской властью обнажена со всей неопровержимостью. Если же я буду заператься, буду расстрелян, а моя семья – разгромлена. Если же я сознаюсь, то могу ждать снисхождения. На мое заявление, что

мне не в чем сознаваться, мне наводящими вопросами дали канву того, что я должен, по мнению следователей показать:

1. Я будто бы пришел в Красную Армию в 1919 году как враг, подготавливающий взрыв ее изнутри. Для этого я группировал все время около себя контрреволюционное офицерство.

2. Кафедра тактики Военной академии якобы была моим штабом, в котором я разработал план восстания в Москве на случай войны в дни мобилизации.

3. Это давалось мне в связи с якобы существующей у нас трудовой Красной Армией.

4. Для политического обеспечения я связался в бытность мою в Генуе в составе нашей экспедиции в 1922 году с английским генеральным штабом.

5. В бытность мою начальником штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО) будто я подготавливал восстание на Северном Кавказе.

6. Все это я делал одновременно, вредительствуя, где только было можно. Я считал, что все это обычный прием следователя и просил его перейти к настоящему разбору обвинения, а для этого предъявить мне обвинение и заслушать мои объяснения. В этом мне было отказано. Тогда я отказался давать показания по этим вопросам. В ответ на это следователь Николаев приказал с меня сорвать знаки военного отличия и сказал, что мое признание к расстрелу решено. Я был вызван к уполномоченному представителю ОГПУ лично, тот подтвердил бесспорность моей вины, сообщил мне от имени коллегии ОГПУ, что если я стану на колени перед партией, строящей социализм, и «сознаюсь», то меня ждет 3 – 4 года тюрьмы в наилучших условиях. Если же я буду «запираться», то меня расстреляют, как Мека и Пальчинского.

После моего отказа меня перевели в Москву и установили следующий режим: одиночная камера, без прогулок, без всякого общения с родными, без чтения и каких-либо занятий, мыл уборную и параша под окрики надзирателей, заставлявших меня по нескольку раз переделывать дело.

Вызовы к Николаеву, издевавшемуся надо мной, ругавшемуся площадными словами и требовавшему дачи показаний. Он обещал «согнуть меня в бараний рог и заставить на коленях умолять о

пощаде, если я буду упорствовать». Если же я дам показания, то режим будет немедленно изменен. Так длилось 11 месяцев. Лишь одно облегчение было сделано – через 5 месяцев дали читать.

Кроме Николаева меня вызвали следующие руководители ОГПУ: Иванов, Евдокимов, Дейч и, наконец, председатель коллегии т. Менжинский.

На мое заявление т. Иванову, что такое ведение следствия незаконно, он мне заявил: "Мы сами законы писали, сами и исполняем!". На мою просьбу ко всем этим лицам предъявить обвинение и дать мне возможность защищаться ответа не последовало. Даже не проводили очные ставки с теми, кто меня оговорил; мне все они отвечали, что моя вина в их глазах очевидна и мне остается одно: либо давать показания, либо готовиться к расстрелу.

В камере три раза посещали меня представители прокуратуры, которым я делал заявления о том, что следствие ведется так, что правду выяснить оно не может. Одна прокуратура не находила нужным даже выслушать меня. По всему ходу следствия становилось совершенно ясно, что никто не интересуется совершенно правдой и что меня хотят насильно заставить дать ложные показания. Если к этому прибавить сознание полной беззащитности и внушаемого следствием убеждения, что партия требует от меня дачи этих ложных показаний во имя каких-то неведомых целей, то станет ясно, что заставило целый ряд лиц, которых следствие связало в одно со мной дело, дать ложные показания и оговорить меня.

В ходе следствия я пошел по линии компромисса, чтобы, как я думал, спасти от разгрома семью, но я не мог пойти на то, чтобы объявить себя врагом советской власти и партии, в то время, когда я после длительного периода наблюдений и большой работы над собой, незадолго до ареста подал заявление о приеме меня в партию.

После 11 месяцев следствия во внутреннем изоляторе ОГПУ меня перевели в Ярославль в изолятор особого назначения. Я был посажен в одиночку, лишен всякого общения с семьей и даже с другими заключенными. Тюремный режим был нарочно продуман так, чтобы обратить его в моральную пытку. Запрещалось все, вплоть до

возможности подойти к окну, кормить птиц и даже петь хотя бы вполголоса. В тюрьме были случаи сумасшествия, повешения и т.п.

Время от времени приезжал следователь, давая понять, что все изменится, "если у меня будет что-нибудь новое".

За два года моим родным удалось добиться только двух свиданий. В феврале 1933 года я объявил первую голодовку. Через 5 дней приехавший следователь сообщил, что выдвинутые мной требования о пересмотре дела, предъявлении мне обвинения и даче возможности защищаться, так как это предусмотрено нашим УПК (Уголовно-процессуальным кодексом), будут исполнены.

Прошло 8 месяцев без всяких последствий. Я объявил новую голодовку. На 16-й день в тюрьму приехал т. Катаньян, которому я вручил подробное заявление. В результате я был переведен на общее содержание: прогулки, стал получать регулярно свидания с родными, и получил право на переписку. Освобожден я был без пересмотра дела еще через 10 месяцев после этого».

Даже сейчас, по прошествии семи десятилетий, от прочитанного письма веет ужасом.

Некоторые высокопоставленные сотрудники ОГПУ, в том числе начальник Иностранного отдела ОГПУ, член коллегии и заместитель председателя ОГПУ Станислав Адамович Мессинг, начальник Секретно-оперативного управления, член коллегии ОГПУ Ефим Георгиевич Евдокимов, начальник особого отдела ОГПУ Ян Каликстович Ольский (Куликовский), полномочный представитель ОГПУ по Московской области Лев Николаевич Бельский, считали дела на военных специалистов «дутыми», искусственно созданными и выражали недоверие к показаниям арестованных.

Опытные руководители явно расслабились, запомнили, что своего мнения в ОГПУ не может иметь никто, даже первые руководители. ОГПУ выполняет решения партии, а в партии есть только одно мнение – Сталина.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 августа 1931 г. Евдокимов, Ольский, Бельский и Мессинг освобождаются от занимаемых должностей. Впоследствии, в 1938 – 1940 годах все они будут расстреляны. Тогда же, в августе 1931 года Сталиным было подписано директивное письмо, адресованное секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов партии, в которых говорилось:

«Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

а) т.т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления... на том основании, что...

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ... ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости органов ОГПУ» и «неправильности» линии их практической работы как слухи, идущие без сомнения из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горекommунистами».

Беспрецедентная ситуация, аналог которой в истории СССР будет иметь место спустя 60 лет, после августовской провокации 1991 года: одновременно 4 высших руководителя органов государственной безопасности, ключевых подразделений ОГПУ снимаются с занимаемых должностей. Что было тогда, в 1931-м? Микропутч среди наиболее влиятельной верхушки ОГПУ? Четыре элитных руководителя спецслужбы не желают выглядеть причастными к грандиозной провокации. Поступок архимужественнейший. Ведь этим людям гораздо лучше других известны правила игры возле сталинского кремлевского Олимпа, а главное – последствия для тех, кто посмеет нарушить эти правила.

Ольский – один из ближайших соратников Артузова, Мессинг – его прямой начальник. А где же сам Артузов с его декларируемой на лекциях в пограничной школе ОГПУ принципиальностью, законностью, моралью, профессиональной честью? Артузов, пишущий в конспектах своих лекций: «Чекист служит правому делу. Ему по душе атмосфера подлинности и достоверности. Чекист, прежде всего, должен быть верным идеалам партии. Он работает, действует во имя осуществления задач партии, задач пролетарской

революции. Он ее щит и меч. Чекист неотделим от партии, работает под ее контролем, растет на могучем древе партийной мудрости».

А Артузов получает повышение. Он становится начальником Иностранного отдела ОГПУ, заменив на посту руководителя внешней разведки не желающего быть соучастником террора Станислава Мессинга, который изгоняется из ОГПУ на второстепенную хозяйственную работу. Артузов достигает вершины своей карьеры, в очередной раз сделав выбор между честью, совестью, моралью, порядочностью и бесчестьем, готовностью шагать по трупам, карьеризмом. Иностранный отдел, или как его сокращенно называли ИНО, занимал совершенно особое место в организационно-штатной структуре ОГПУ. Примечательно, что его численность в 1934 году составлял всего 81 (!) сотрудник. Для сравнения: Особый отдел – контрразведка и борьба с вражескими действиями в армии и на флоте – 255 человек по штату, Экономический отдел – 225, Транспортный отдел – 153.

Разведка была маленькая, но люди в ней работали большие.

Можно ли считать Артузова полноправным наследником искусства провокации, которым владели «звезды» царской охраны?

В отличие от доктрины царской политической полиции, исповедовавшей сбережение секретного сотрудника, доктрины, нарушенной практически лишь однажды товарищем министра внутренних дел В. Джунковским, «сдавшим» в 1912 году особо ценного агента полиции – члена ЦК партии большевиков, депутата Государственной Думы, любимца Ленина Малиновского; в ВЧК-ОГПУ агентуру не жалели. Не жалел агентуру и Артузов, очевидно, сказывалась школа учителя по оперативной линии Джунковского.

Джунковского, несмотря на его пресмыкательство перед новыми хозяевами из ВКП(б)-ОГПУ, тоже не минула судьба испить до конца горькую чашу человека, презирающего моральные нормы, предающего во имя собственного выживания... После провала «Треста» ему позволили в течение нескольких лет отсидеться в Крыму, а затем в 1938 году, на год позже Артузова, расстреляли.

В 1936 году Артузова снимают с должности заместителя начальника военной разведки РККА, куда он был переведен в 1934 году. На короткий срок он становится начальником Особого бюро ГУГБ НКВД. В воспоминаниях сослуживцев он много времени

проводит в оперативном архиве НКВД. По официально растиражированной версии, якобы, пишет историю ВЧК-ОГПУ. Заблуждались сослуживцы. Артузов писал совсем другое. Аналитик разведки и контрразведки, стратег, знающий детали закулисной борьбы сталинского политического театра, он предвидит великую чистку. В январе 1937 года на имя наркома внутренних дел СССР Н. Ежова, только что получившего специальное звание генерального комиссара государственной безопасности, что приравнивалось к воинскому званию маршала Советского Союза, поступило письмо Артузова, в котором он, оперируя имевшимися в архиве НКВД сведениями закордонных агентов о «вредительской деятельности Тухачевского», высказывал свое мнение о существовании в Красной Армии троцкистской организации.

Не просто так копался в архивах Артур Христианович, не историю ВЧК и пограничной охраны писать собрался, а добирал фактуру. Освежал в памяти, подкреплял документами своих агентов-липачей донос на Тухачевского.

Известно, что Тухачевский активно использовался в контрразведывательных операциях ОГПУ, непосредственное руководство которыми осуществлял ни кто иной, как сам Артузов. Информация о якобы «причастности» Тухачевского к подпольной военно-монархической организации в СССР предварительно сознательно, скрупулезно, детально готовилась в ОГПУ. Легендирование участия Тухачевского и ряда других советских военачальников в «оппозиционной» деятельности санкционировано на самом высоком уровне. Некоторые из видных военных – Зайончковский, Троицкий были агентами ОГПУ. Кому как не Артузову не знать истинную цену «агентурных данных» о Тухачевском?

Кому как не Артузову – руководителю контрразведки СССР на протяжении нескольких лет не знать о том, что Тухачевский и ряд других высших военачальников Красной Армии – бывших царских офицеров, в том числе Б.М. Шапошников, С.С. Каменев, М.Д. Бонч-Бруевич, являются объектами групповой оперативной разработки Особого отдела НКВД «Генштабисты». Тухачевский активно разрабатывался органами госбезопасности еще с 1925 года, в его оперативной проверке принимали участие негласные сотрудники ОГПУ, участвовавшие в том числе и в операции «Трест».

Итак, ОГПУ одной рукой легендировало перед противником участие Тухачевского в антисоветской монархической организации, другой же рукой, используя тех же агентов, что и в доведении дезинформации до иностранных разведок, писало на него доносы в Особый отдел ОГПУ – военную контрразведку, Использование провокационных методов работы органов ОГПУ-НКВД при активнейшем участии Артузова привело к тому, что целенаправленно распространяемые агентами в рамках контрразведывательных операций компрометирующие сведения на Тухачевского становились достоянием третьих лиц и, возвращались в эти органы по другим, в том числе и разведывательным, каналам уже как агентурные данные. Добытые таким путем материалы, как правило, не проверялись, накапливались в архивах ОГПУ-НКВД.

Итак, Артузов предчувствовал неотвратимый удар сталинской гильотины. Что он делает? Пытается спасти товарищей по работе, бывших подчиненных, соратников, учеников: Сыроежкина, Пиляра, Федорова, Стырне, Пузицкого? Пытается вывести из-под возможного удара агентуру, задействованную в особо сложных операциях? Покаяться по поводу своих провокационных методов работы? Внести ясность в существо сфабрикованных на военных руководителей разработок? Рвет с режимом, как Кривицкий, Райсс, Фельдбин-Орлов, Раскольников, Агабеков?

Нет. Он сознательно топит Тухачевского перед Ежовым. Топит, прекрасно зная, что в архивных донесениях его агентов-провокаторов – ложь и дезинформация, что все эти агентурные материалы сознательно инспирированы, выдуманы в самом ОГПУ самим Артузовым и его подчиненными, что не только агентурным сообщениям, но и агентам верить ни в коем случае нельзя.

Расчет Артузова прост и коварен. Ежов – дилетант в оперативных играх, новичок в системе ОГПУ-НКВД, пришел из партийных органов, механизмами полиции в деталях не владеет. Выбивая «команду» Ягоды (позднее Ежов сам признает, что он «почистил 14 тыс. чекистов»), Ежов неизбежно выбивает и носителей истинной информации о подоплеке разработок десятилетней давности. Следовательно, на этом и нужно во имя выживания строить свою игру, ибо все нити операции известны только посвященным. А он – Артузов – один из немногих посвященных в провокации, именуемые

для очистки совести и несведущих потомков контрразведывательными операциями советской контрразведки – «Трест» и «Синдикат».

Спустя два месяца после направления Ежову своего донесения, в марте 1937 года Артузов наносит еще один внезапный удар, на этот раз по своему преемнику на должности начальника Иностранного отдела НКВД комиссару госбезопасности второго ранга Абраму Ароновичу Слуцкому, в прошлом секретарю парткома центрального аппарата НКВД.

Вот как передает речь Артузова на собрании руководящих работников в клубе ОГПУ 18 марта 1937 г. Вальтер Кривицкий.

«Артузов знал, что поставлено на карту. Старый чекист заговорил с актерским пылом:

– Товарищи, в труднейшие дни для революции Ленин поставил Феликса Эдмундовича Дзержинского во главе ВЧК. В еще более сложное время Сталин поставил своего лучшего ученика Николая Ивановича Ежова во главе НКВД. Товарищи! Мы, большевики, научились быть безжалостными не только к врагам, но и к самим себе. Да, Ягода действительно хотел играть роль Фуше. Он действительно хотел противопоставить ОГПУ нашей партии. Из-за нашей слепоты мы невольно участвовали в этом разговоре.

Голос Артузова креп, становился все более уверенным:

– В 1930 году, товарищи, когда партия впервые почувствовала эту тенденцию и, желая положить ей конец, назначила в ОГПУ старого большевика Акулова, что сделали мы, чтобы помочь Акулову? Мы встретили его в штыки! Ягода всячески старался помешать его работе. А мы, товарищи, не только поддержали саботаж Ягоды, но пошли еще дальше. Я должен честно признаться, вся партийная организация ОГПУ была занята саботажем Акулова.

Артузов беспокойно искал взглядом хотя бы малейшего намека на одобрение на скуластом личике Ежова. Он чувствовал: наступил нужный момент для решающего удара, чтобы отвести подозрение от себя.

– Спрашивается, кто был в это время руководителем партийной организации ОГПУ?

Он набрал воздух в легкие и выдохнул:

– Слуцкий!

Бросив своего товарища на растерзание, Артузов с триумфом сошел с трибуны».

Иван Алексеевич Акулов, большевик с 1907 года, после августовского решения Политбюро ЦК РКП(б) о кадровой чистке высшего эшелона ОГПУ в 1931 году был назначен первым заместителем председателя ОГПУ, но пробыл в этой должности только до 1932 года, после чего стал Прокурором СССР. Его пребывание в ОГПУ, как, впрочем, и быстрое увольнение от должности явилось следствием подковерной борьбы партийной верхушки за влияние на ОГПУ, борьбы за монополию на тайную информацию о внутривнутриполитических процессах в стране. Акулов также впоследствии не пережил пика сталинского террора и был расстрелян в 1938 году, почти одновременно с Ягодой.

После ареста Артузова, когда, как профессионалу, ему уже должно быть все предельно ясно, даже в тюремной камере он остается вернейшим сталинистом.

В записке Ежову он пишет: «Глубоко понял, как должен быть недоволен мною и возмущен Сталин. Он послал меня в разведуправление Генштаба исправлять работу. Особенно тяжело сознание, что я подвел его перед военными, ведь он надеялся, что я буду его глазом в РУ».

Прочь иллюзии! Артузов такой же верный сталинский сатрап, как и другие, кричавшие перед расстрелом «Да здравствует Сталин!».

Просто в определенный момент Сталин избавился от него, как от выработавшего свой ресурс и излишне обремененного знаниями нежелательного свидетеля.

Перед казнью Артузов будет молить о пощаде. Он напишет свою последнюю записку следователю НКВД не чернилами, а собственной кровью. Вспомнил он тогда, сколько чужой крови он пролил за свою жизнь?

Как профессионал-разведчик и контрразведчик Артузов состоялся. Его уникальность в том, что он последовательно занимал высшие руководящие должности в контрразведке, внешней разведке, а затем и в военной разведке СССР. Со временем он действительно овладел искусством разведки и контрразведки, основными их методами, прежде всего игровыми (применительно к понятию «оперативных игр»). Он ввел комбинационный стиль в

работу с агентурным аппаратом. Он стоит у истоков формирования, создания нелегальной линии работы разведки.

О. Гордиевский и К. Эндрю в мировом бестселлере 80-х годов «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева» утверждают, что секретные материалы внешней разведки КГБ СССР характеризуют Артузова как «генератора идей». Он разработал множество способов проникновения в иностранные миссии – от «медовой ловушки» до менее утонченных способов шантажа, впоследствии взятых на вооружение КГБ и рядом других спецслужб. Им доведена до совершенства теория и практика операций по дезинформации противника.

Стремление к творческому встречается в среде сотрудников спецслужб не так уж часто. Широко распространено мнение, что разведка и контрразведка лишь ремесло, а ни в коей мере не искусство. Артузов уже в конце 20-х годов самостоятельно выходит на уровень анализа и обобщения практических знаний агентурно-оперативной работы, попыток сведения этих знаний и опыта в некую теоретико-методологическую систему. Он читает курс лекций в Высшей пограничной школе ОГПУ, призывает активно использовать фактор «сопредельности» со спецслужбами государств, окружающих СССР, подчеркивая, что общая государственная граница предоставляет совершенно уникальные возможности для долговременных разведывательных и контрразведывательных операций, предлагает «обыгрывать» в оперативном плане даже возможности пограничных застав.

Надо абсолютно вжиться в профессиональную деятельность, чтобы посвящать ей крупницы свободного времени на уже теоретико-методологическом уровне, тем более что высокое положение Артузова в ОГПУ этого отнюдь не требовало.

Артузов действительно был мастером организации агентурного проникновения в интересующие ОГПУ-НКВД структуры. Только в РОВСе и вокруг него было наберено невидимое количество агентов, среди которых помимо известных Скоблина, Дьяконова, Плевицкой, Третьякова был даже сын генерал-лейтенанта Федора Абрамова, председателя РОВСа в сентябре 1937-марте 1938 года.

Справедливости ради заметим, что не один Артузов был уникалом в ОГПУ-НКВД, умудряясь одновременно работать и писать

книги. Его подчиненный Вениамин Гражуль, один из участников похищения в Париже главы РОВС генерала Миллера, в 1944 году, будучи начальником Школы особого назначения (ШОН) (в настоящее время – Академия Службы внешней разведки), опубликовал прелюбопытнейшее исследование о внешнеполитической разведке России во времена Петра I и Екатерины II. Книга удостоилась публичной благосклонной рецензии патриарха отечественной исторической науки академика Е.В. Тарле (кстати, тоже не избежавшего в 30-х годах участи «быть объектом оперативной разработки» ОГПУ и чудом, только по прихоти Сталина, не превращенного в «лагерную пыль»).

Несомненно, можно и должно говорить об Артузове-Фраучи – талантливом профессионале разведки и контрразведки, как о выдающейся личности, развивавшей теорию и практику деятельности спецслужб, оказавшем существенное влияние на формирование специфического почерка советской разведки и контрразведки. Артузов внес неоценимый вклад в развитие высшей формы контрразведывательного искусства – оперативных игр. Понимание оперативной игры и сейчас доступно единицам. Он руководил Иностранным отделом ОГПУ численностью всего в 81 человек. Маленькая по численности разведка делала большие дела. Именно артузовский ИНО, его гласные и негласные сотрудники, заложили фундамент, на котором позже выросло здание великой внешней разведки великой империи, позволившей устоять стране в годину суровых испытаний. Отрицать это – отрицать очевидное.

Апологеты Фраучи-Артузова могут возразить – он чистый, на нем нет крови. Да, после Архангельской «ревизии» во главе с Кедровым он де-юре дистанцировался от расстрелов, концлагерей, карательных операций. Он стал чистым оперативником-контрразведчиком, затем разведчиком. Но он был, оставался составным звеном сталинской карательной цепочки, он подготавливал условия для сдачи объектов своих разработок следователю. Инсценировать судебные процессы большевики начали не в 37-м, а, как минимум, на десятилетие раньше. Заманивая в оперативные ловушки объектов своих операций, Артузов не питал иллюзий, а прекрасно знал, что ждет этих людей, каков будет приговор. Рейли, Савинков, Анненков, Денисов, Кутепов, Миллер – кто по приговору суда, кто без приговора...

Есть понятия – реализация операции, разработки. А.Х. Фраучи-Артузов реализовывал свои оперативные дела трупами и искалеченными жизнями. Не важно, что он лично не расстреливал, не допрашивал, не фальсифицировал показания, не пытал, не писал сценарии процессов.

Но без его оперативного, интеллектуального вклада процессы были бы невозможны.

Он знал, что ждет его политических противников. Пуля. Ясно, что личность не может быть абсолютно идеальной. Но мифологизация образа руководителей спецслужб морально растлевает саму спецслужбу, особенно молодых сотрудников.

Нынешнему поколению разведчиков, контрразведчиков, пограничников мифы не нужны. Нужна объективность, нужна правда, пусть горькая, но правда. Только тогда возможно истинное единство общества и структур государства, обеспечивающих безопасность страны, единство, основанное на взаимном соблюдении закона, морали, нравственности.



А.Х. Артузов (Фраучи)

**Фотографии из домашнего архива предоставлены
потомками А.Х. Артузова**

Артур Христианович Артузов (Фраучи)

Отец Артура Христиан покинул Швейцарию в 1881 году и обосновался в российской глубинке — в Тверской губернии, в имении помещика Попова Апашково Калязинского уезда, где уже два года работал старший брат Федор. Работая в имении Николаевка Калязинского уезда, познакомился с Августой Дидрикиль и в 1890 году женился на ней. Вскоре молодая семья, арендовав у помещика Л.Я. Лихачева землю и молочное стадо, открывает свою сыроварню в имении Устиново Кашинского уезда. Христиан Петрович владел старинными секретами сыроварения, благодаря которым его родина и славится вкусным молочным продуктом. Не было в предреволюционное время на всю Тверскую землю лучшего сыродела, чем Христиан Фраучи.

В горной швейцарской деревне Гстаад (в часе автомобильной езды от Берна) и поныне живет несколько семей по фамилии Фраучи, и все они — сыровары в четвертом – пятом поколении.

Мать Артузова, Августа Августовна Фраучи (урождённая Дидрикиль), имела латышские и эстонские корни, а один из её дедов был шотландцем.

У Августы Августовны были сестры и брат. Сестра Нина Августовна Дидрикиль (Подвойская) родилась 13 февраля 1882 года в Любино Вологодской губернии. Была в браке с Николаем Ильичом Подвойским. Сестра Ольга Августовна Дидрикиль была в браке с Михаилом Сергеевичем Кедровым. Брат Эдуард Августович Дидрикиль и сестра Мария Августовна Дидрикиль.



Родители А. Х. Артузова

отец Христиан Петрович Фраучи (1855 -1922 гг.)

мать Августа Августовна, урожденная Дидрикиль (1861- 1937 гг.)

18 февраля 1891 года в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии от брака Христиана Петровича Фраучи с очаровательной Августой Августовной Дидрикиль родился первенец, которому дали имя Артур Евгений Леонард. За ним последовали еще три дочери и два сына. Все шестеро детей у Христиана и Августы родились в Кашинском уезде.

Дети носили тройные имена по протестанской традиции. Евгения Мария Берта Христиановна Фраучи родилась 10 февраля 1892 года, Рудольф Виктор Александр Христианович Фраучи родился 9 апреля 1894 года, Антония Екатерина Христиановна Фраучи родилась 22 ноября 1896 года, Вера Ольга Берта Христиановна Фраучи (Тубала) родилась 22 февраля 1899 года и Виктор Борис Александр Христианович Фраучи родился 22 апреля 1902 года.



*Фраучи Артур, Нина, Вера (на руках у гувернантки Ольги),
Рудольф и Евгения в Устинове.*

Артур – старший сын в семье был любимцем матери. Еще в детстве под ее руководством Артур овладел французским и немецким языками. Уже взрослым он самостоятельно выучил английский и польский языки. Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи, изменивший фамилию на Артузова, в графе «национальность» укажет: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считаю русским».

В 1901 году семья Фраучи переезжает в другое лихачевское имение Юрино, так как в Устиново на лето стали приезжать из Петербурга Лихачевы.

В 1904 году Фраучи покидают Кашинский уезд и поселяются в имении Ждани под Боровичами в Новгородской губернии. Затем им приходилось переезжать в другие дворянские усадьбы – Михайловское, Путятино, Петровское. С детских лет Артур Фраучи был знаком с известными революционерами-большевиками, Михаилом Кедровым и Николаем Подвойским, которые были частыми гостями в доме Фраучи.



Ждани под Боровичами.

Н.И. Подвойский и Нина Августовна (жена) с Алесей, Виктор Фраучи, на жатке Артур Фраучи (Артузов), крайняя справа Нина Христиановна Фраучи



Имение Ждани Новгородская губерния. 1905 год.

Артур Фраучи (Артузов), Володя и Мария Семёновна, Дидрикуль Ольга Августовна Кедрова с Фаней (Бонифатий Михайлович Кедров), Мария Васильевна, Женя Фраучи, Пётр Петрович Фраучи, Христиан и Августа Фраучи. Впереди Лиди и Павел – дети Павла Дидрикуль



Артур Фраучи (Артузов). 1909 год. Санкт-Петербург.

В мае 1909 года Артур Фраучи оканчивает с золотой медалью новгородскую гимназию, Артур неожиданно для отца поступает в Петербургский политехнический институт имени Петра Великого, где целеустремленно готовит себя к карьере дипломированного металлурга. Волновала его и другая заветная мечта: закончить консерваторию по классу вокала. Дело в том, что он обладал изумительным лирико-драматическим сопрано.

Институт с отличием заканчивает в феврале 1917 года. С февраля 1917 года работает инженером-проектировщиком в Металлургическом бюро профессора Владимира Грум-Гржимайло.



Панорама Главного здания Петербургского Политехнического института, в котором учился А.Х. Фраучи (Артузов).

М. Т. и П.
Петроградскій
ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ
ИНСТИТУТЪ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

31 мая 1917.

№ 803.

Временное Свидѣтельство.

Дано Артуру Христиано-
вичу ФРАУЧИ

въ томъ, что онъ окончилъ курсъ въ Петроградскомъ
Политехническомъ Институтѣ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА
ВЕЛИКАГО и 30-го мая 1917 года Совѣ-
томъ Института утвержденъ въ званіи Инже-
неръ-металлурга съ правомъ на
производство въ чинъ X класса при опредѣленіи на го-
сударственную службу на штатную должность техника.

Свидѣтельство сіе будетъ замѣнено дипломомъ по
изготовленіи *) послѣдняго.

И. о. Декана Металлургическаго
отдѣленія



Г. Мещеряков

И. о. Дѣлопроизводителя

В. Кетинград

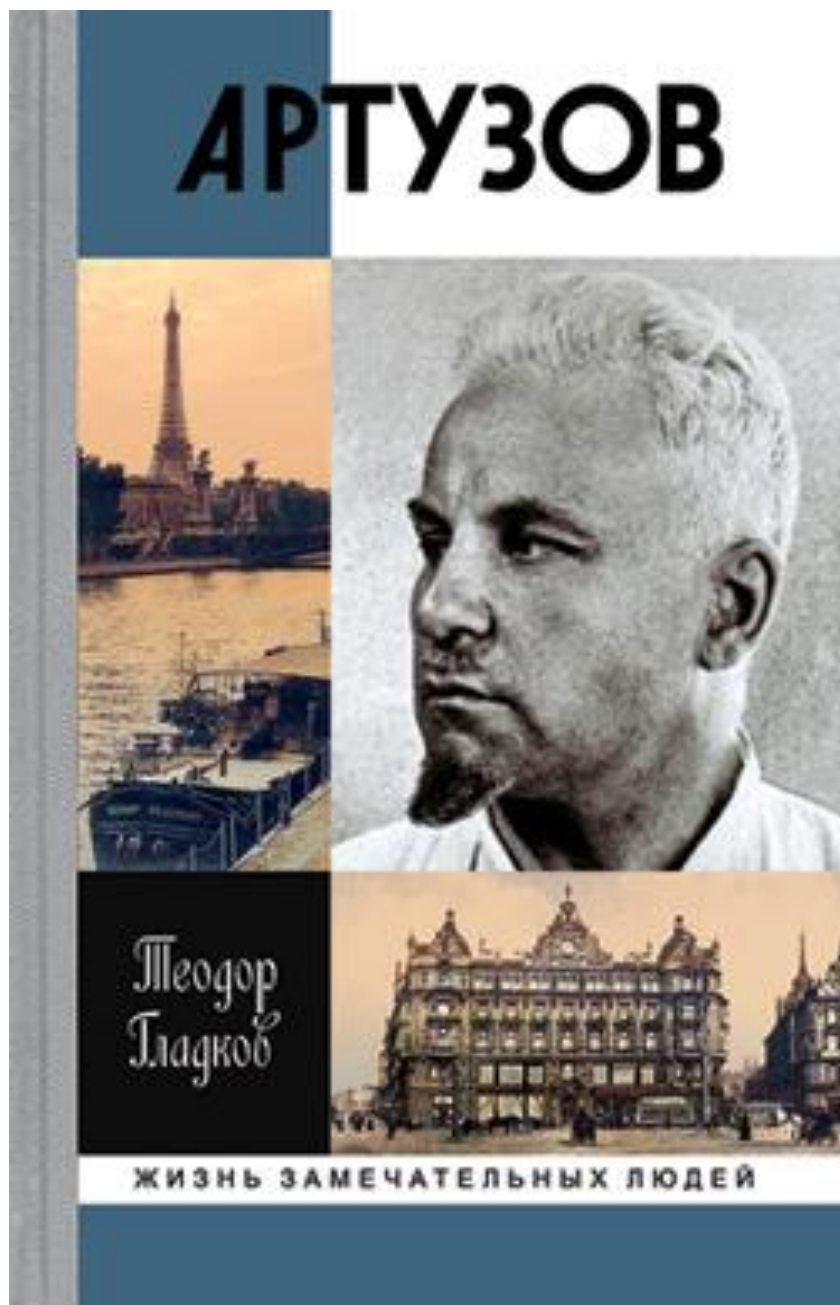
*) Дипломъ изготовляется Институтомъ: 1) по полученіи отъ окончившаго курсъ соответствующаго заявленія, напи-
санныго на имя Директора Института, и 2) по внесеніи въ кассу Института установленнаго сбора (5 руб. за дипломъ на
пергаментъ и 3 руб. — на бумагѣ).



Артур Христианович с женой Лидией и детьми

«Боюсь одного: выдержит ли моя психика ту огромную нагрузку, которая пала на мои плечи по праву большевика? Должен же быть какой-то защитный панцирь в той изнурительной борьбе, которую приходится вести ежедневно?».

Из дневника А. Х. Артузова.



Книга: Артур Артузов
[e-reading.by>bookreader.php...Artur_Artuzov.html](http://e-reading.by/bookreader.php...Artur_Artuzov.html)

РМУК «Кашинская МЦБ» выражает благодарность
Вере Алексеевне Никоновой
за предоставленные материалы.

Содержание

Артузов Артур Христианович svr.gov.ru›Артузов.....	2
Материал из Википедии — свободной энциклопедии Артузов, Артур Христианович — Википедия.....	4
Энциклопедия. 100 ВЕЛИКИХ РАЗВЕДЧИКОВ Об Артуре Артузове: Теодор Гладков «Артур Артузов. Тверской швейцарец» Артур Артузов. «ТРЕСТ», «СИНДИКАТ» И ЗАГОВОР ПРОТИВ ТУХАЧЕВСКОГО Сов. секретно Справка Артузов Артур Христианович... nasledie.dubna.ru›item.asp.....	9
А.Х. Артузов - Разведка и контрразведка e-reading.mobi›chapter.php/1022729/92/Shavaev_-_.....	21
«Об А.Х. Артузове».....	49

Составитель: И.М. Яшина,
зав. краеведческо-информационным сектором.

Компьютерная верстка: М.А. Усачева,
зав. сектором Бизнес-центра

РМУК «Кашинская МЦБ»

г. Кашин
ул. Анатолия Луначарского, дом 2

8 48 (234) 2-05-41 - директор

8 48 (234) 2-06-44 - абонемент

**8 48 (234) 2-14-18 - читальный зал,
Бизнес-центр,
краеведческо-информационный сектор**

e-mail: library-kashin@mail.ru

www.kashin.tverlib.ru

